

0 7 2 4 8 3 9 -/

На правах рукописи

БЕГИДОВ Анзор Михайлович

**ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ.
1920-1945 гг.**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Москва – 2001

Работа выполнена на кафедре гуманитарных дисциплин Нальчикского
филиала Ростовского юридического института МВД РФ.

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор **ПИВОВАР Е.И.**

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор **КРИВОШЕЕНКОВА Е.Ф.**

доктор исторических наук **МИРОНЕНКО С.В.**

доктор исторических наук, профессор **ПЛЕХАНОВ А.М.**

Ведущая организация:

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Защита диссертации состоится 21 июня 2001 г. в 13⁰⁰ часов на
заседании Диссертационного совета Д 212.154.01 в Московском
педагогическом государственном университете по адресу: 117571,
г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88, каб. 817.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского педаго-
гического государственного университета по адресу: 119435, Москва, ул.
Малая Пироговская, д.1.

**НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ**

Автореферат разослан «18» ✓ 2001 г.

Учсный секретарь

Диссертационного совета

Киселева Л.С.

Актуальность темы исследования. Произошедший в результате революций 1917 г. и событий Гражданской войны раскол России на советскую и зарубежную задал различные векторы развития в них искусства, литературы, науки и других проявлений общественной и культурной жизни, с которыми обычно ассоциируется в массовом сознании представление о "России в изгнании". Однако российское зарубежье 1920-40-х гг. отличал не только высокий процент образованных людей, в т.ч. интеллигентно-культурной элиты, но и стремление воссоздать основные общественные и даже государственные институты дореволюционной России. Группируясь в сообщества адвокатов, финансистов, офицеров Генерального штаба, воспитанников Московского университета и т.п., российские эмигранты помимо решения практических задач (взаимопомощи, общения, творческой реализации) формировали особое "виртуальное" пространство, внутри которого они играли привычные для себя социальные роли.

Наиболее масштабно эта способность к воспроизведению элементов дореволюционной (с учетом модификаций периода Гражданской войны) структуры своего социума проявилась у российской военной эмиграции, т.е. личного состава антибольшевистских вооруженных формирований, учащихся военно-учебных заведений, российских офицеров, генералитета и военных чиновников, оказавшихся за рубежом в силу личных обстоятельств, членов их семей и других лиц, близких к военным по менталитету и идеологии, например, военного духовенства и т.п. Особую группу военных беженцев составляло казачество, отличавшееся приверженностью к идеям казачьего сепаратизма. В то же время, именно казаки проявляли в условиях изгнания стремление к традиционным формам организации в виде "станиц" и "хуторов" и привычному для казачьих масс сельскохозяйственному роду занятий¹.

¹ См.: Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999 (189 191); Парфенова Е.Б. Казачья эмиграция в Чехословакии // Русская эмиграция в Чехословакии. СПб., 1997

Масса военных эмигрантов была многочисленна, составляя около четверти всех российских беженцев², в значительной своей части достаточно жестко организовала на начальном этапе изгнания и имела руководителей, обладающих силой принуждения (в структурах Русской армии - в период эвакуации и размещения в лагерях, а формально до 1923 г., на Дальнем Востоке - до конца 1920-х гг.). С прекращением существования Русской армии и других антибольшевистских вооруженных формирований как босых единиц часть их личного состава продолжала добровольно подчиняться военной дисциплине и признавать иерархию воинских чинов.

Как и другие страты эмигрантского сообщества военная эмиграция была социально неоднородна и включала людей различных политических убеждений, культуры, вероисповедания. С другой стороны, непосредственное участие в Гражданской войне и иллюзия ее неоконченности, выдевшаяся военной эмиграцией в 1920-30-е гг., ставили идеологию "белого дела" выше оттенков личных убеждений военных эмигрантов. Эта тенденция сознательно культивировалась и воспринималась политическими лидерами российского зарубежья, записанными членам военных обществ и союзов, входивших в Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), состоять в политических партиях³.

Одним из основных постулатов идеологии "белого дела" было сохранение российской военной культуры, включая военную науку и образование, общественные и бытовые традиции, военно-историческую символику и пр. Еще одним компонентом, формировавшим облик российского военного зарубежья, была боль военных поражений I-й мировой и Гражданской войн. Помимо социально-политических и экономических причин постигшей их катастрофы, российские эмигранты особо выделяли военно-профессиональный аспект проблемы, размышляя над уроками прошедших войн и путями преобразования российских вооруженных сил.

² Рязань М. Указ. соч. С.29-39.

Вышеизложенные особенности российской военной эмиграции, во всяком случае ее наиболее социально активной и интеллектуальной части, получили вполне конкретное воплощение в виде развитой структуры общественных организаций, деятельности военно-учебных заведений и произведений военно-теоретической мысли. Часть организационных структур российского военного зарубежья, в т.ч. военно-учебные центры и военно-научная школа, сформировавшиеся в 1920-30-е гг., продолжали существовать во время 2-й мировой войны.

Отдельным аспектом проблемы является поступление российских эмигрантов, в т.ч. выпускников военных училищ и кадетских корпусов, на службу в иностранные армии как апробация результатов полученного ими профессионального образования. С началом 2-й мировой войны эмигранты появляются в учебных и боевых структурах европейских армий.

Лидеры российской военной эмиграции пытались создать альтернативную советской системе военного образования. В то же время дублирование советских военно-учебных заведений не происходило, о чем свидетельствует наличие значительных организационных отличий. Российская эмигрантская военная школа скорее продолжала традиции дореволюционной, воспроизводя ее организационный опыт (например, в зарубежной эмигрантской военной школе в отличие от РККА была значительна роль кадетских корпусов), а также сохраняя традиционные интеллектуальные и духовные ценности, характерные для дореволюционной армии, - военно-историческую преемственность, православие, прежнюю иерархическую структуру и знаки отличия, дополнив их новейшими военно-теоретическими достижениями зарубежной научной мысли.

Следованием дореволюционной традиции и, одновременно, совершенно новым опытом, вызванным особенностями жизни в изгнании,

³ См.: Россия в изгнании. С.89-147.

была деятельность Высших военно-научных курсов и других учебных центров, стремившихся обеспечить российским эмигрантам возможность высшего военного образования в соответствии с программами российских военных академий.

Возникшая в странах Восточной и Центральной Европы сеть эмигрантских военно-учебных заведений стала своего рода основой зарубежного военно-политического варианта белого движения.

На период 1920-1945 гг. можно говорить о наличии в российском зарубежье системы военного образования, которое как целостное общественное и культурное явление специально еще не изучалось.

Между тем, исследование его организации, целей и результатов ее функционирования позволяет существенно дополнить и уточнить имеющиеся в историографии российского зарубежья представления о феномене российской военной эмиграции 1920-1945 гг., выдвинуть тезис о военном образовании как о важнейшем факторе, цементирувавшем воспную эмиграцию как социально-культурную и идеологическую общность.

Исторический опыт деятельности российских зарубежных военно-учебных заведений - главного компонента эмигрантского военного образования 1920-1945 гг. - актуализирован современной международной ситуацией, когда в ряде регионов мира создаются лагеря для подготовки повстанческих армий и диверсионных групп - в рамках конфликтов на Ближнем Востоке (мусульманские экстремистские лагеря воспной подготовки), в Юго-Восточной Азии, в Косово (Албанская народная армия), в Афганистане (моджахеды) и в Чечне (учебные лагеря Хаттаба) и др.

Кроме того, в условиях проведения военной реформы в современных российских вооруженных силах комплекс военно-учебных исследований российских эмигрантских военных теоретиков, в т.ч. в области организации военного образования, может представлять не только теоретический, но и в определенной степени военно-практический интерес.

Объектом диссертационного исследования является воспное

образование российского зарубежья 1920-1945 гг., сформировавшееся в результате взаимодействия социальных, организационных, идеологических и интеллектуальных факторов и включающее в себя систему военно-учебных заведений, альтернативные формы приобретения военных знаний, возникшие в условиях изгнания, военную науку, педагогику, культуру.

Военное образование зарубежной России исследуется как важнейший фактор сохранения в 1920-1940-х гг. российской военной эмиграции как особой социально-культурной общности, имеющей специфическую идеологию, ментальность, формы организации. Военное образование изучается также и как попытка практической реализации рваных идеологических замыслов военно – политических лидеров российского зарубежья.

Предметом диссертационного исследования является организация и деятельность эмигрантских военно-учебных заведений (кадетских корпусов, военных училищ, военно-научных курсов), формы военного самообразования и военно-спортивной подготовки российских эмигрантов, комплекс военно-научных и военно-политических доктрин, на которых базировалось военное образование в российском зарубежье.

В диссертации исследуются идейно-политические, материальные, юридические, культурные и психологические компоненты, определявшие становление за рубежом российского военного образования, рассматривается эволюция его структуры в организационном и социальном отношении в 1920-1940-е гг., изучается характер и результаты взаимодействия военного образования с другими формами политической и культурной активности российской военной эмиграции.

Степень разработанности темы. В Советской России изучение военной эмиграции началось уже в первой половине 1920-х годов. В этот период советская цензура еще не приняла тотального характера и в отдельных случаях допускала публикацию материалов об антибольшевистском лагере и, в том числе, о военно-учебных заведениях белой эмиграции. Однако в

советскую печать информация о зарубежных учебных заведениях проникала выборочно, подбор материалов осуществлялся тенденциозно⁴. В те годы в РСФСР были опубликованы работы первых советских историков, а также возвратившихся по амнистии на родину эмигрантов. Среди них были как ученые-профессионалы, так и военные чиповики и офицеры бывших белых армий⁵. В опубликованных работах описывалась эвакуация военно-учебных заведений из Крыма и Новороссийска в Турцию, и их дальнейшее размещение в Балканских странах - Югославии, Болгарии и т.д.

Определенное внимание военной эмиграции и её военно-учебным заведениям в начале 1920-х гг. уделяла советская периодическая печать. В журналах "Красный архив", "Пролетарская революция", "Военный вестник" и ряде других публиковались научно-популярные статьи и информационные материалы. Например, в 1925 году в журнале "Пролетарская революция" была опубликована обстоятельная статья одного из руководителей Разведупра РККА Р. Нарраевского, содержащая подробный обзор сил российской военной эмиграции за рубежом в первой половине 1920-х гг., в которой, в частности, приводились данные о военных училищах российской эмиграции⁶.

В конце 1920-х гг. в условиях ужесточения идеологической цензуры главной задачей становится не изучение феномена зарубежного военно-политического движения, а борьба с "вражеской идеологией" в пропагандистском стиле. Начинает насаждаться метод упрощенного и одностороннего изображения "политического противника"; эмигрантские военно-учебные структуры становятся по объектом научного изучения, а

⁴ См.: Калинин И.М. В стране братушек. М., 1923; Он же. На болгарском плацдарме (Из истории взаимоотношений Врагеля и болгарского правительства) // Военная мысль и революция. М., 1923; Владимирова Л. Возвратите их на Родину! (Жизнь врагеленцев в Галлиполи и Болгарии). М., 1924; Калинин И.М. Под знаменем Врагеля. JL, 1925; Слободской А. Среди эмиграции. Харьков, 1925; Федоров Г. Путешествие без сантиментов. М.; JL, 1926.

⁵ Мещеряков Н.П. На переломе (из настроений белогвардейской эмиграции). М., 1922; Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. М.-Пг., 1923; Русская эмиграция // Военная мысль и революция. 1923. № 3; Лунечков И. За чужие грехи. Казаки в эмиграции. Ростов-П / Д., 1923, и др.

⁶ Нарраевский Р. Обзор российских контрреволюционных сил за рубежом // Пролетарская

используются в качестве пропагандистского примера. При этом освещаются лишь отдельные аспекты темы: военная подготовка, наличие у преподавательского состава военных училищ оружия, разработка планов интервенции⁷.

Идеологические схемы советской историографии в этот период требовали изображения зарубежных военно-учебных заведений лишь в общих чертах, выдвигая на первый план критику реваншистских планов белоэмигрантов. При этом уникальный опыт строительства российской военной школы за рубежом вообще не рассматривался.

В период сталинского режима 1930-х - начала 1950-х гг. тема российской белой эмиграции, её научной и военно-учебной работы оказывается полностью запретной. В отечественной литературе встречаются лишь отдельные упоминания о существовании за рубежом военных училищ, в которых осуществляется подготовка белых офицеров для возобновления вооруженной борьбы против СССР⁸.

В середине 1950-х - в 1960-е гг. в СССР выходят в свет исследования, в которых уже более детально говорится о деятельности зарубежных военно-учебных центров. Начавшаяся "оттепель" позволила несколько ослабить информационную блокаду вокруг проблемы российского зарубежья. В частности, были опубликованы воспоминания белоэмигранта, работавшего в Русском Заграничном историческом архиве (РЗИА) Д. Мейснера, в которых содержались отдельные упоминания о кадетях, юнкерах и зарубежных военных училищах⁹. Однако, эффективное научное изучение темы по-прежнему было невозможно: эмигрантские архивные документы РОВС и военно-учебных заведений в научный оборот введены не были.

Со второй половины 1970-х гг. в отечественной историографии появляется тенденция более конкретного изучения проблемы зарубежной

революция. М., 1925. № 4.

⁷ Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. М., 1929.

⁸ Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б). М., 1950. С.11-12.

военной школы. Однако, специальных исследований, посвященных развитию военного образования в российском зарубежье: в 1920-30-х гг., не проводилось. В свет вышли лишь несколько работ по проблеме российского зарубежья, в которых содержались упоминания о кадетских корпусах и офицерских курсах переподготовки⁹.

В конце 1980-х - начале 1990-х гг. вышли в свет работы В. Тесемникова, М. Акулова, В. Петрова, в которых авторы касались проблемы истории российской военной эмиграции¹⁰.

Произошедшие в нашей стране в начале 1990-х гг. общественно-политические и экономические преобразования вызвали резкое усиление внимания к теме российского зарубежья 1920-30-х гг. В этот период наблюдается постепенное вытеснение научно-популярных работ, удовлетворявших интерес широких слоев российского общества к данной проблеме¹², научными исследованиями в области истории и культуры зарубежной России¹³.

В 1991 г. состоялась первая международная научная конференция, посвященная проблеме российского зарубежья; в дальнейшем подобные научные конференции стали проводиться регулярно¹⁴.

В 1991-1993 гг. в России состоялись 1-й и 2-й Конгрессы

⁹ Мейснер Л. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966.

¹⁰ Голицынов Д.П. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917-1925 гг.). М., 1975; Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; Барихновский Г.Н. Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924 гг.). Л., 1978; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981; Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982, и др.

¹¹ Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919-1945) // Вопросы истории. 1988. №

10; Акулов М., Петров В. 16 ноября 1920 г. М., 1989.

¹² Башкиров Г.Б., Васильев Г.В. Путешествие в Русскую Америку. Рассказы о судьбах эмиграции. М., 1990; Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990; Коласинко Ю. Москва-Париж. Очерки о русской эмиграции. М., 1991; Поник Б. Приют эмигранта, свободный Париж! М., 1992; Большаков Н.В. Русские березы под Парижем. М., 1990; Куликов Н.П. Я твой, Россия. М., 1990, и др.

¹³ См.: Тарле Г.Я. Российское зарубежье и родина. М., 1993; Она же. История российского зарубежья: термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции. 1917-1940. Кн.1. М., 1994; Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И. Российская эмиграция в Конституционном и начале 20-х годов (Численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. 1993. № 5 и пр.

¹⁴ Ершов В.Ф., Пивовар Е.И. Военно-учебные заведения и военно-научная мысль белой эмиграции в 1920-30-е гг. // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. М.,

соотечественников, на которых, совместно с учеными РАН, освещались сложные вопросы истории российской эмиграции, в том числе и ее военной части.

В 1994 году было подготовлено первое в России учебное пособие "Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов", во 2-й главе которого, посвященной "зарубежной Русской Армии", содержится информация о военно-учебных заведениях российской эмиграции: размещении воинских формирований и их учебных центров в лагерях Галиполи, Лемнос и Чатаджда и их дальнейшей передислокации в восточноевропейские страны¹⁵.

В 1996 г. выходит в свет труд В. Кабузана, обобщающий результаты статистических данных о миграциях русского населения почти за три столетия, включая период 1920-30-х гг.¹⁶

История российской военной эмиграции 1920-1940-х гг. плодотворно изучается рядом научно-исследовательских центров: академиком Ю.А. Поляковым в Институте российской истории РАН, Группой по изучению теории и истории эмиграции Института всеобщей истории РАН и сотрудниками Центра теоретических проблем исторической науки института МГУ во главе с профессором Е.И. Пивоваром, Комиссией по комплексным исследованиям российской эмиграции при президиуме РАН под руководством академика Е.П. Челышева, а также кафедрами отечественной истории новейшего времени ряда крупнейших вузов страны - РГГУ, МПГУ, МГУС и др.

В современной историографии русского зарубежья сформировались тенденции выхода на новый уровень обобщения проблемы через углубленное изучение различных ее аспектов, в том числе и истории военно-учебных

1993; Российское зарубежье: Итоги и перспективы изучения. Тезисы докладов и сообщений. М., 1997.

¹⁵ Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (Гражданские беженцы, армия, учебные заведения): Учебное пособие / Под ред. Е.И. Пивовара. М.: Издательство, 1994.

¹⁶ Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719-1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996.

заведений и военно-научной мысли российской эмиграции. В исследованиях Е.И. Пивовара, А.М. Бегидова, И.В. Домнина, В.Ф. Еринова, А.А. Силкина и др. поднималась проблема военного образования в зарубежной России в 1920-30-е годы¹⁷.

В 1998 году вышла в свет коллективная монография «Российская военная эмиграция в 1920-30-е годы», одна из глав которой была посвящена деятельности эмигрантских военно-учебных заведений в довоенный период¹⁸. Одновременно была опубликована работа З.С. Бочаровой "Судьбы российской эмиграции: 1917-1930-е годы", где также освещаются отдельные стороны жизни российского военного зарубежья, в том числе участие российских военных специалистов в вооруженных конфликтах в странах Латинской Америки¹⁹.

В 1999 г. Институтом всеобщей истории РАН совместно с Центром теоретических проблем исторической науки Исторического факультета МГУ опубликован коллективный труд "Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом", ряд глав которого специально посвящен истории военно-учебных заведений и военно-политическим доктринам российского зарубежья²⁰.

В 2000 г. выходят в свет монографии Ю.П. Свириденко и В.Ф. Еринова, раскрывающие военно-политические аспекты феномена Зарубежной России,

¹⁷ Домини И.В. Русское военное зарубежье: дела, люди и мысли (20-30-е годы) // Вопросы истории. 1995. № 1; Он же. Русское военное зарубежье: дела, люди и мысли (20-30-е годы) // Вопросы истории. 1995. № 7; Он же. Взгляды русской военной эмиграции // Российский военный сборник. М., 1997. Вып. 13; Он же. Военная культура русского зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции. 1917-1940. М., 1993. Кн.1. с.124-129; Он же. Духовный смысл русской военной эмиграции // Российский военный сборник. М., 1997. Вып.13; Он же. Источниковая база изучения жизни и творчества воякинов Русского зарубежья // Там же. Проблемы зарубежной архивной России. М., 1997; Он же. Краткий очерк военной мысли русского зарубежья // Российский военный сборник. М., 1998. Вып. 16; Еринов В.Ф., Пивовар Е.И. Военно-учебные заведения и военно-научная мысль белой эмиграции в 1920-30-е гг. // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: Материалы научной конференции. М., 1993; Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И. Российская эмиграция в Константинополе в начале 20-х годов (Численность, материальное положение, репатриция) // Отечественная история. 1993. № 5. Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв. Сб. статей ИРИ РАН. М., 1997; Нарфенова Е.В., Качалов В. Эмиграция в Европе в 1920-е годы. Автореф. канд. дис. М., 1997; Силкин А.А. Русские кадетские корпуса в Югославии в межвоенный период // Русский исторический вестник. М., 1998.

¹⁸ Бегидов А.М., Пивовар Е.И. и др. Российская военная эмиграция в 1920-30-е гг. Нальчик, 1998.

¹⁹ Бочарова З.С. Судьбы российской эмиграции: 1917-1930-е годы. Уфа, 1998.

²⁰ Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом / Е.И. Пивовар, Е.И. Свириденко,

в т.ч. затрагивающие проблему военного образования как базы создания за рубежом профессиональных кадров для вооруженной борьбы с большевизмом²¹.

В последние годы предпринимаются историографические исследования в области изучения истории и культуры российского зарубежья²². Довольно широкое развитие получают работы в области археографии и источниковедения²³ данной проблемы, издается ряд ценных библиографических и биографических справочников.

Последнее десятилетие XX века ознаменовалось введением в научный оборот широкого спектра источников по истории российской военной эмиграции 1920-40-х гг., в т.ч. военной. Были подготовлены публикации документальных материалов различного характера: хроники, хрестоматии, тематические сборники (Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920-1940. Франция. Париж-М., 1995. Т. 1-4; Политическая история русской эмиграции. 1920-1940: Документы и материалы: Учебное пособие. М., 1999; Российская эмиграция в Манчжурии: военно-политическая деятельность (1920-1945): Сб. документов. Южно-Сахалинск, 1994 и пр.).

В 1998 г. началась публикация документальной серии "Русская военная эмиграция 20-40-х годов", подготовленной Институтом военной истории МО РФ, ФСБ и Службой внешней разведки РФ.

Военно-научному и идеологическому наследию российской военной эмиграции посвящен ряд выпусков "Российского военного сборника" (М., 1994-1999. Вып. 3-6, 9, 11-14, 16).

А.М. Бегидов и др. М., 1999.

²¹ Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918-45 гг. М., 2000; Свиридюк В.П., Ершов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920-45 гг. М., 2000.

²² Селуцкая В.М. Проблемы интеграции эмигрантов в российском зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии // Вестник МГУ. Серия 8: История. М., 1998. № 1; Тормозов В.Т. Белое движение в гражданской войне. 80 лет изучения (1918-1998). М., 1998.

²³ См.: Проблемы изучения российского зарубежья: Сб. статей. М., 1995; Нарфенова Е.Б. Качество и эмиграции: вопросы сравнительного анализа источников // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв. М.,

Существенное значение имеет издание современных архивных справочников, отражающих состав крупнейших отечественных документальных собраний по истории российской эмиграции (Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999). Определенным итогом освоения проблемы явилась публикация ряда справочных изданий (Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). VI., 1997; Волков С.В. Белое движение в России: Организационная структура (Материалы для справочника). М., 2000 и др.).

С момента возникновения российской военной эмиграции в начале 1920-х гг. как исторического феномена, начинает складываться и эмигрантская историографическая традиция. Она имела совершенно отличные от советской тенденции развития. В первую очередь для нее была характерна идеализация российской военной эмиграции в целом, преувеличение степени ее влияния на мировые события и на внутреннее положение в СССР.

Большинство эмигрантских изданий 1920-40-х гг. не носило чисто научного характера и сочетало историческое повествование с элементами политической публицистики и очень часто личных воспоминаний автора. Поэтому их приходится рассматривать, главным образом, и как источники 70 истории российской военной культуры и образования за рубежом, а не как часть историографии по данной проблеме.

В 1920-30-е гг. за рубежом, прежде всего в странах Восточной и Центральной Европы, начинают выходить в свет работы эмигрантских авторов, касающихся в том числе и военного образования²⁴. В то же время

1997; Проблемы зарубежной архивной работы: Сб. статей. М., 1997 и т.п.

²⁴ Антонов Л.П. Первый кадетский корпус. Исторический очерк. Галлиполи, 1921; Раковский Г. Конец белых. От Днепра до Босфора. Прага, 1921; Русские в Галлиполи. Берлин, 1923; Давыц В.Х., Нылов Н.Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923; Казаки в Чатагдже и на Лемносе в 1920-21 гг. Белград, 1924; Русские в Праге. Прага, 1923; Давыц В.Х. Годы. Очерки десятилетней борьбы. Белград, 1929; Красноухов

основное внимание авторами уделялось вопросам строительства новой российской армии на территории СССР после предполагаемого падения большевистского режима, делу воспитания эмигрантского юношества в духе приверженности "белой идее", развитию "соколизма" и скаутского движения²⁵. Как правило, эти сюжеты увязывались с дореволюционными традициями российской армии, ее учебных и научно-академических структур.

В 1950-1970-е гг. общий объем эмигрантских изданий за рубежом сократился, но публикация работ продолжалась. Классическая "Зарубежная Россия № 2" была разрушена, эмигрантские военно-учебные заведения прекратили свою деятельность, выпускники военных училищ были рассеяны по миру, некоторые - репатриированы в СССР. В известной степени факт окончательного ухода в прошлое российской военной эмиграции как многочисленного и политически активного социума способствовал формированию ретроспективного, чисто исторического подхода к данной проблеме в эмигрантской среде. В этот период вышло в свет несколько коллективных работ белоэмигрантов, посвященных военным подразделениям и военным училищам, в которых они проходили ранее военно-профессиональное обучение²⁶. В 1971 г. появляется первый обобщающий научный труд по истории российского зарубежья, подготовленный П.Е. Ковалевским²⁷. Выходят в свет и библиографические сборники по проблеме российской военной эмиграции и как части этой темы деятельности военно-учебных заведений (первые издания подобного рода

Е.М. Шанхайский Русский отряд. Шанхай, 1929, и др.

²⁵ Генерал Кутепов. Сб. статей. Париж, 1934; Гермен Р. Кадетские традиции. София, 1930; Ивашкин С. (Талин В.). Красная армия. Париж, 1931; Корниловское военное училище. Краткий очерк // Журнал Общества ветеранов войны 1914-18 гг. Сан-Франциско, 1934; Кубанское генерала М.В.Алексеева военное училище // Часовой, 1931; Русский скаут-разведчик. Харбин, 1934, и др.

²⁶ Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-20 гг. Т. 1-2. Париж, 1962, 1964; Кадетские корпуса за рубежом (Russian Cadet Schools out side of Russia). Нью-Йорк, 1970, и др.

²⁷ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа за рубежом (1920-1970). Париж, 1971.

появились еще в 30-е годы)²⁸. Они содержат большой фактический материал, и их использование способствовало более детальному освещению истории российских зарубежных военно-учебных заведений.

В 1980-90-е гг. публикация за рубежом белоэмигрантской литературы резко сокращается. В свет выходят лишь отдельные издания, косвенно затрагивающие проблему военно-учебных заведений Зарубежной России. Зато начинается волна переизданий белоэмигрантской литературы в России²⁹, что делает ее более доступной для исследователей и массового читателя.

История российской эмиграции получила отражение и в трудах зарубежных ученых. Начиная с 1930-х гг. зарубежные историки уделяют внимание проблеме российского беженства, в основном — политическим партиям и крупным общественным организациям³⁰.

Зарубежная историография, опиравшаяся на эмигрантские издания и архивы, созданные русской военной эмиграцией в 1920-30-е гг. за границей, обладала до начала 1990-х гг. лучшей источниковой базой, чем советская.

Однако для западной историографии был характерен политизированный, часто нескритический подход к проблеме русской эмиграции 1920-40-х гг. Тема зарубежного военно-политического движения получила в работах западных историков в основном косвенное освещение³¹.

Иностранная историография российской эмиграции в послевоенные годы развивается по двум основным направлениям: изучение отдельных аспектов истории российского зарубежья, главным образом, политических и

²⁸ Армия и Флот. Военный справочник. Париж, 1931; Постников С.П. Библиография русской революции и гражданской войны 1917-1921. Прага, 1938; Геринг А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. Париж, 1968; Аранс Д. Как мы проиграли гражданскую войну. Библиография мемуаров русской эмиграции о русской революции 1917-1921 гг. М., 1988, и др.

²⁹ Ларионов В. Последние юнкера. Франкфурт-на-Майне, 1984; М., 1996; Пряхинников Б. Несрима науткина. ВЧК-ГПУ-НКВД против белой эмиграции. СПб., 1993; Павлов Б. Первые сорок лет (Посвящается памяти Алексея Иванова). М., 1997.

³⁰ Huntington W.C. The Homesick Million. Russia-out of Russia. Boston, 1933; Simpson J.H. The Refugee Problem. I., 1939; Pipes R. Struve, Liberal on the Right, 1905-1944. Cambridge, 1980; Marrus M.R. The Unwanted - European Refugees. N.Y., 1985; Raftl M. Russia abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919-1939. N.Y., Oxford, 1990.

³¹ Huntington W.C. The Homesick Million. Russia-out of Russia. Boston, 1933.

культурологических³², и исследование проблемы российской эмиграции в русле политологического анализа и критики советской системы³³.

Целый ряд исследований западных ученых посвящен проблеме участия военных эмигрантов во 2-й мировой войне на стороне Германии и их участии СССР в 1945 г. (Труды Е. Керн, М. Коопер, D. Littlejohn, S. Newland).

С начала 1990-х гг. зарубежная историография утрачивает приоритет:

благодаря рассекреченным архивным фондам ГАРФ, РГВА и ФХС отечественная наука получает в свое распоряжение уникальный комплекс исторических источников. В то же время, работы западных ученых, посвященные различным аспектам истории российской эмиграции, в т.ч. военной, поступают в российские библиотеки. Широкие возможности для обмена научной информацией представляет Internet. Предпринимаются переводы западных исследований на русский язык³⁴. Тем самым формируется единое историографическое поле, в котором осуществляется взаимодействие отечественной и зарубежной научных школ в области изучения российского зарубежья 1920-1945 гг.

Хронологические рамки диссертации определены временем существования российской эмиграции первой волны, в т.ч. военной: 1920-1945 гг. Для обеспечения полноты фактологической базы исследования и исторической логики изложения в начале работы затрагивается период Гражданской войны в России 1917-1922 гг. В 1920-1930-х гг. мир российского военного зарубежья существовал в своей целостности, прежде всего в странах Восточной и Центральной Европы, представляя самостоятельное историческое явление. Начало в 1939 г. второй мировой войны в Европе

³² Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт н/М. 1982; Johnston R.H. New Mecca, New Babylon... Kingston, 1988; Raef M. Russia abroad. 1919-1939. N.Y. Oxford, 1990.

³³ Fisher G. Soviet Opposition to Stalin. Harvard University Press, 1952; Kezer P. The Ideology of the White Movement// Soviet Studies. 1980; Marrus M.R. The Unwanted-European Refugees. N.Y., 1985 и др.

³⁴ Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben Gorboff M. La Russie Fantome. L'émigration Russe de 1920 à 1950. Lyon, 1995; Натобург Э.И. У истоков российской диаспоры в Америке // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 7 и др.

разрушило целостность системы военно-учебных заведений, разделив ее участников по различным политическим взглядам. (Многие выпускники эмигрантских военно-учебных заведений примут участие в движении Сопротивления, другая часть - поступит в армии фашистских государств). В то же время, в годы 2-й мировой войны российская военная эмиграция вливается в военно-учебные и боевые структуры воюющих армий, получая возможность приобретения и практического применения знаний в области военного дела. Участие в боевых действиях явилось для выпускников эмигрантских военно-учебных заведений испытанием уровня их профессиональной подготовки. Продолжает функционировать и в 1939-1945 гг. и часть российских военно-учебных структур за рубежом. К концу 2-й мировой войны ушли из жизни многие военные ученые-эмигранты. Одновременно рухнула надежда военно-политических лидеров эмиграции на крушение большевистского режима в СССР. Таким образом, к 1945 г. российское военное образование за рубежом лишается социальной и идеологической базы, а его организационные структуры ликвидируются.

Территориальные границы исследования охватывают основные ареалы размещения российской эмиграции в 1920-45 гг. - Западную, Центральную и

Юго-Восточную Европу, Северную Африку, Дальневосточный регион. Северную и Южную Америку. Основное внимание сосредоточено на европейских странах и Китае, поскольку именно здесь были сосредоточены крупнейшие диаспоры русских беженцев, располагались военно-учебные заведения российской эмиграции; действовало большинство издательств военно-научной и учебной литературы. В то же время, отдельные элементы системы зарубежного военного образования, например, учащиеся Заочных военно-научных курсов 1930-х гг., встречались в различных регионах мира.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют принципы научности, объективности, системности, историзма.

Следуя принципам научности и объективности, автор стремится формулировать положения своей работы и делать выводы, опираясь на

достоверные факты, избегать некритического подхода к историческим источникам, идеологических схем и стереотипов.

Системный метод предполагает изучение поставленной проблемы как целостного явления, анализ имеющихся фактов во всей их совокупности и взаимосвязи.

Принцип историзма требует рассмотрения военного образования российской эмиграции 1920-45 гг. в контексте взаимодействия всех тех социально-политических и культурных процессов, которые вызвали к жизни это явление.

Реализация данных принципов осуществлялась при помощи конкретных методов исторического исследования - проблемно-хронологического, ретроспекции.

Цели и задачи исследования. Целью диссертации является всестороннее исследование военного образования в зарубежной России в 1920-1945 гг.: его социальной и организационной структуры, интеллектуального обеспечения, идеологической и культурной роли в эмигрантском сообществе.

Для достижения поставленной цели автор ставит перед собой ряд исследовательских задач:

- рассмотреть процесс организации военно-учебных структур и антибольшевистских вооруженных формирований на территории России в период Гражданской войны 1917-1922 гг., их эвакуации за рубеж и возобновления учебного процесса;

- изучить особенности организационного построения и деятельности системы военно-учебных заведений, сложившейся в российском зарубежье в 1920-30-е гг.: степени и формы обучения, количественный и социальный состав учащихся и преподавательского корпуса, уровень военно-профессиональной подготовки в кадетских корпусах, военных училищах, школах переподготовки офицерских кадров, военно-академических учебных центрах;

- исследовать альтернативные формы получения военных знаний российскими эмигрантами, в т.ч. развитие военного самообразования;

- проанализировать особенности развития российского военного образования за рубежом в неблагоприятных условиях чуждой социально-политической среды, проблемы социальной адаптации и профессиональной реализации выпускников военно-учебных заведений;

- изучить развитие военно-научной мысли российского зарубежья в 1920-30-е гг., разработку учеными-эмигрантами военно-стратегических доктрин, вклад военно-академической элиты российского зарубежья в развитие военного образования;

- рассмотреть процесс втягивания российских военных эмигрантов в вооруженные конфликты 1920-30-х гг. в различных регионах мира и их участие во 2-й мировой войне как факторы, влияющие на состояние российского военного образования за рубежом;

- проанализировать зависимость военного образования в российском зарубежье от военно-политических и идеологических установок, господствовавших в среде российской военной эмиграции в 1920-1945 гг.

Источниковая база исследования определяется его целями и задачами и включает широкий спектр опубликованных и архивных источников, в первую очередь, эмигрантского происхождения.

Российская военная эмиграция большое внимание уделяла сбору архивов и публикации источников.

В конце 1920-х гг. во Франции были опубликованы три тома "Белого Архива", включавшего материалы по истории белого движения, диспанчики и воспоминания его участников, в том числе рассказывающие об эвакуации военно-учебных заведений в 1919-20 гг., их размещении в Балканских странах, попытках возобновления учебной деятельности.

Большая работа по сбору архивных документов и материалов личного происхождения - воспоминаний, записок и т.п. - была проведена генералом А.А. фон Лампе, который в конце 1920- гг. даже предпринял попытку создать

специальный "Белый архив", в котором бы находилась на хранении документация исключительно военной эмиграции. Благодаря его усилиям в 1926-33 гг. в Германии вышли семь книг издания "Белое дело. Летопись белой борьбы", на страницах которой содержались описания эвакуации военно-учебных заведений в 1920 г., рассказывалось о судьбах кадет и юнкеров³⁵.

В 1921-27 гг. И.В. Гессеном в Германии было осуществлено многотомное издание воспоминаний и документов "Архив русской революции", в котором содержались, в частности, воспоминания об эвакуации военно-учебных заведений в Балканские страны³⁶.

Ценным видом источника по истории военно-учебных заведений является белоэмигрантская мемуарная литература. Многие деятели Белого движения и российской военной эмиграции в 1920-30-е гг. опубликовали воспоминания, в которых была отражена жизнь военно-учебных заведений. Так, большую известность получили мемуары П.Н. Врангеля, А.И. Деникина, В. Ларионова, Г. Федорова, М. Каратеева и др.³⁷

Процесс развития военного образования за рубежом в 1920-30-е гг. получил широкое освещение в эмигрантской периодической печати. В разное время существовало свыше двадцати чисто военных изданий белой эмиграции, уделявших первостепенное внимание теме военных училищ и кадетских корпусов. Наиболее популярными журналами российской военной эмиграции являлись: "Часовой", "Военная жизнь", "Вестник военных знаний", "Кадетская перекличка" и ряд других изданий.

Эмигрантские военные журналы рассказывали о жизни военно-учебных заведений - кадетских корпусов, военных училищ, офицерских курсов повышения квалификации, содержали сведения о молодежном

³⁵ Белое дело. Летопись белой борьбы. 1926-1933. Берлин. Т. 1-7.

³⁶ Архив русской революции. Берлин. 1921-30 гг. / Под ред. Гессена. Т. 1-22.

³⁷ Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 - ноябрь 1920). Ки. 1,2. М., 1991; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.1. 1-6. Берлин, 1924-1926; Ларионов В. Последние юнкера. Франкфурт, 1984; Федоров Г. Путешествие без сантиментов (Крым, Галлиполи, Стамбул). Л.; М., 1926; Каратеев М. Белоэмигранты на

военно-спортивном движении. На страницах "Часового", "Морского журнала", "Военно-исторического вестника" печатались статьи теоретиков русского военного зарубежья по вопросам военной истории, методам военно-учебной подготовки и новейшим военно-стратегическим доктринам.

Особым видом источника являются памятники военно-научной и политической мысли российской эмиграции 1920-40-х гг. Исследования в области военно-теоретической мысли занимают заметное место в эмигрантской литературе. В конце 1920-х - 1930-х гг. ряд известных военных ученых - А. Баиов, Н. Головин, А. Керсновский и др. выпустили труды, посвященные вопросам военной стратегии, психологии войны, новым средствам ведения современной войны и т.п.³⁸ Эти работы не только выражали и формировали идею сохранения в условиях зарубежья российской военной культуры, в т.ч. военно-учебных заведений как профессионального и организационного ядра российской армии, но и явились основой для выработки программы высшего военного образования в русском зарубежье. Некоторые труды российских военных теоретиков содержат элементы историографии российской военной эмиграции и ее военно-учебных заведений. Поскольку в одном из разделов монографии проводится сравнительный анализ ряда параметров эмигрантской и советской военной школы 1920-40-х гг., в т.ч. военно-научной мысли, к исследованию привлечены основополагающие труды советских военных ученых - Л.А. Свечина, В.Ф. Новицкого, В.К. Триандафиллова и др.³⁹

Основу источниковой базы исследования составляют документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и комплексе фондов Русского Заграничного исторического архива (РЗИА) (т.п.

Балканах (Воспоминания белого офицера). Буэнос-Айрес, 1977.

³⁸ Баиов А. Необходимая воинская добродетель // Вестник военных знаний. Саратов, 1929. № 3; Головин Н. Обширное поле военной психологии. Берлин, 1927; Керсновский А. Философия войны. Белград, 1939 и др.

³⁹ См.: Постижение военного искусства: Идеальное наследие Л. Свечина. М., 1999; Краснознаменная и ордена Ленина академия Красной Армии имени М.В. Фрунзе. Труды. Сб.8. М., 1943; Новицкий П.Ф. Мировая война 1914-1918 гг. Кампания 1914 г. в Бельгии и Франции. М., 1936; Триандафиллов В.К.

"Пражского архива")⁴⁰.

РЗИА был образован в 1923 году как архив русской эмиграции и входил в состав МИД Чехословакии. Положение о РЗИА от 14 августа 1924 г. определяло его цель как создание комплекса источников по истории российской эмиграции и, в том числе, - военно-учебных заведений русского зарубежья.

В декабре 1945 г. РЗИА, насчитывавший на этот момент 98 тыс. дел, был перевезен в СССР.

При написании диссертации был использован массив военной документации самого широкого спектра: приказы и распоряжения главнокомандующего Русской армией генерала П.Н. Врангеля, делопроизводственная документация штабов и руководящих органов, осуществлявших эвакуацию военных училищ за рубеж, списки личного состава военно-учебных заведений, финансовая документация, учебные программы, персональные учетные карточки кадет и юнкеров. Таким образом, основу источниковой базы составляют документы и материалы, сформированные самой военной эмиграцией, в частности, образовавшиеся в процессе деятельности военно-учебных заведений. Данная документация требует безусловно критического источниковедческого анализа. Это обстоятельство было связано и с сознательным завышением руководством военно-учебных заведений списочного состава обучающихся, с целью получения больших дотаций со стороны правительств стран проживания и РОВС, и с тенденциозным описанием внутренней жизни военных училищ и кадетских корпусов, выражавшимся в умалчивании фактов нарушения воинской дисциплины, проявлений довольства и несогласия с официальной белоэмигрантской идеологией – «идеял зарубежного Белого движения». В то же время, комплексное изучение данной источниковой базы позволяет

Характер операций современных армий. М.: JL, 1929 и др.

⁴⁰ ГАРФ. Ф.5618, 5761, 5762, 5794, 5796, 5826, 5833, 5845, 5903, 5912, 5928, 5942, 5951, 6269, 797,6817,6899, 10015.

воссоздать достаточно полную картину жизни и деятельности эмигрантских военно-учебных заведений.

Ценную информацию о военно-учебных заведениях российской белой эмиграции, военно-политических доктринах, рваншистских планах возобновления вооруженной борьбы с большевистским режимом в 1930-е гг., численном составе военных училищ и их дислокации в странах Восточной Европы и на Дальнем Востоке содержат материалы советской стратегической разведки Разведуправления Гсперального штаба РККА⁴¹.

Разведуправление РККА в 1920-е гг. составляло специальные информационные обзоры состояния российской военной эмиграции. Они являлись совершенно секретными документами и были предназначены для узкого круга руководителей советского правительства и органов госбезопасности. Данные документы содержали большой фактический материал об эмигрантских военных учебных заведениях. Их привлечение позволило существенно дополнить картину мира российского военного зарубежья.

Период эвакуации военно-учебных заведений из Крыма и районов Дальнего Востока частично отражен в материалах разведорганов Полного штаба РВСР, хранящихся в Российском государственном военном архиве: (РГВА)⁴². В центре внимания советской разведки находились передислоцированные в страны Восточной Европы белогвардейские военные училища, состояние их материальной части, наличие вооружений, количественный и качественный состав учащихся и преподавателей.

⁴¹ Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России:

Состояние, организация и деятельность по данным к 1-му октябрю 1921 г. (Материалы стратегической разведки РККА) [М.], 1921. 42 с.

⁴² Карпенко С.В. Разведсводки штабов Красной Армии как источник по истории внутренней контрреволюции и интервенции (на примере арматуревщины) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1989. Т. XX.

В диссертации были также использованы документы иностранных спецслужб (в основном - польской, германской и французской контрразведок), осуществлявших наблюдение за российскими эмигрантами и, в первую очередь, - за их попытками создать за рубежом военизированные военно-учебные заведения⁴³.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые на основе разносторонней источниковой базы российское военное образование за рубежом в 1920-1945 гг. рассмотрено как культурно-общественное явление, отражающее особенности существования, деятельности и менталитета российской военной эмиграции в указанный период.

Военное образование российской эмиграции 1920-45 гг. рассматривается в качестве неотъемлемого компонента исторического феномена российской военной эмиграции 1920-40-х гг.

Впервые комплексно изучаются все социальные, организационные, интеллектуальные компоненты, благодаря которым сформировалось российское военное образование за рубежом;

- анализируется его связь с другими сторонами жизни и деятельности русского военного зарубежья;

- демонстрируется уникальность российского военного образования за рубежом как одной из немногих форм практической реализации идеологических установок и общественных настроений, преобладавших в среде военной эмиграции;

- изучается взаимодействие общественно-политических и социальных факторов, определивших феномен целенаправленного "самовоспроизведения" российской военной эмиграции через развитие военного образования и русской военной науки и культуры за рубежом.

Практическое значение диссертации состоит в возможности

⁴³ РГВА. Ф.7. Оп. 1. Д. 127, и др.

применения ее положений и выводов при осуществлении научных исследований в области отечественной и всеобщей истории новейшего времени, подготовки учебников для средней и высшей школы, а также общих курсов и спецкурсов вузов по соответствующим дисциплинам.

Кроме того, проблематика военного образования, организованного эмигрантскими диаспорами с целью создания действующих вооруженных структур, имеет значение для военно-теоретических и политологических исследований. Военно-педагогический опыт российской эмиграции, освещенный в диссертации, может найти конкретное практическое применение в процессе восстановления в современной России кадетских корпусов.

Апробация исследования. Выносимые на защиту положения и выводы диссертации прошли научную апробацию в Центре теоретических проблем исторической науки Исторического факультета МГУ, где соискатель принимал участие в работе семинаров, конференций и подготовке коллективных трудов по проблемам российской эмиграции. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на кафедре гуманитарных дисциплин Нальчикского филиала Ростовского юридического института. Соискатель выступил с сообщением по теме диссертации на XIX Международном конгрессе исторических наук (Осло, 2000 г.).

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, определяется объект, предмет, характеризуется степень разработанности проблемы, обосновываются хронологические и территориальные рамки исследования, определяются цели и задачи исследования, его источниковая и методологическая база, устанавливается научная новизна диссертации, характеризуется ее практическая значимость.

Первая глава диссертации "Военно-учебные заведения в структуре

антибольшевистских вооруженных формирований 1917-1922 гг." посвящена изучению процессов, определивших возникновение военно-учебных заведений внутри антибольшевистских вооруженных формирований на Юге России, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в период Гражданской войны и их эвакуация за рубеж вместе с основными миграционными потоками из России в 1920-22 гг. В этот период были заложены основные параметры системы начального и среднего военного образования за рубежом в виде кадетских корпусов и военных училищ.

В диссертации доказывается, что военные училища и кадетские корпуса проявили высокую степень политической активности уже на самом раннем этапе Гражданской войны 1917-20 гг., вступив в вооруженную борьбу на стороне антибольшевистского лагеря в Москве, Петрограде, Омске и других городах России.

Автор рассматривает особенности становления военно-учебной работы в различных регионах страны, контролируемых антибольшевистскими вооруженными формированиями, и выявляет его зависимость от таких факторов, как численность офицерского состава, ход военно-политических событий, позиция военного командования по отношению к подготовке личного состава и пр. В диссертации показано, что хотя военно-учебные заведения в 1918-22 гг. существовали на всех белых территориях России, наиболее устойчивыми военно-учебные структуры оказались на Юге, в составе сначала Добровольческой армии ген. А.И. Деникина, а затем – Русской армии ген. П.Н. Врангеля.

На Востоке страны, в Приморье, деятельность военно-учебных заведений носила более спонтанный и краткосрочный характер. Низкий по сравнению с антибольшевистскими вооруженными формированиями Юга России процент офицеров не позволял командованию Восточного фронта оберегать юнкеров и старших кадет от участия в боях и осуществлять военное обучение по программам мирного времени.

В условиях Гражданской войны не был остановлен процесс подготовки квалифицированных кадров для военно-морского флота. Так же как и воспитанники других военно-учебных заведений, функционировавших в рамках антибольшевистских вооруженных формирований, гардемарин и кадеты морских училищ вынуждены были сочетать учебный процесс с участием в военных действиях, особенно в Дальневосточном регионе. Наиболее удачным оказался опыт организации Морского корпуса в Севастополе, ставшего общим последником высших военно-морских училищ дореволюционной России и продолжившего свою деятельность за рубежом.

Автор анализирует причины, заставлявшие руководство антибольшевистских вооруженных формирований создавать и развивать военно-учебные структуры, в частности подчеркивает, что военное командование во время эвакуации войск из Крыма в Турцию особое внимание уделяло сохранению кадров военных училищ и кадетских корпусов, поскольку военная молодежь являлась его наиболее идеологически выдержанной опорой.

В работе выявлено складывание еще на территории России ряда особенностей эмигрантских военно-учебных заведений, в т.ч. стремление к сохранению дореволюционных традиций военного образования и воспитания, способность к организации учебного процесса в экстремальных ситуациях, коррекция учебных программ и форм обучения в соответствии с требованиями конкретной ситуации.

В диссертации подчеркивается, что в 1920-22 гг. большая часть военно-учебных заведений была эвакуирована в составе белых армий за рубеж, прежде всего - в Балканские страны, а на Дальнем Востоке - в Китай. Оказавшись за рубежом, они проявили тенденцию к сохранению своих организационных структур и кадров. Таким образом, была заложена основа российской зарубежной школы, в которой прошли обучение сотни юнкер-эмигрантов.

В диссертации процесс формирования системы военно-учебных

заведений в российском зарубежье показан как компонент важной политической программы антибольшевистских вооруженных структур, идейные и организационные основы которых были заложены еще до перемещения за рубеж в ходе Гражданской войны в России 1917-1922 гг.

Вторая глава "Система военного образования Зарубежной России в 1920-1945 гг." анализирует структуру, условия и характер деятельности основных компонентов системы военного образования российского зарубежья в указанный период. Изучается эволюция их организации, количественных и качественных характеристик, развитие форм и методов обучения, приспособленных к условиям жизни в изгнании. Выделена проблема отношения к российским военным эмигрантам европейских правительств и различных политических сил стран проживания, а также вопрос участия русских кадет и юнкеров в политических событиях стран проживания - Болгарии и Югославии.

Автор доказывает, что развернутая в странах Центральной и Восточной Европы при поддержке командования бывшей Русской армии ген. П.П. Врангеля и его штаба система учебных заведений за рубежом включала в себя высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, а также дисциплинированные кадры кадет и юнкеров, желавших закончить свое военное образование и получить офицерский чин.

В начале 1920-х гг. в странах размещения российской военной эмиграции была создана сеть военно-учебных заведений по образцу существовавших в дореволюционной России военных училищ и кадетских корпусов.

В военных училищах в 1920-е гг. преподавание велось в основном по прежним учебным пособиям, вывезенным в крайне незначительном количестве во время эвакуации вместе с оборудованием училищ, а также по конспектам лекций. При этом создавались и новые учебные пособия, учитывающие уже опыт Первой мировой и Гражданской войны. Личный состав военно-учебных заведений - кадеты и юнкера - в 1920-е гг. жили

надеждой на скорое возвращение на родину и социальный распад после падения советского режима в СССР.

В диссертации подчеркивается, что несмотря на специфические условия своего существования в изгнании, за рубежом эмигрантские военно-учебные заведения не снизили требований к профессиональной подготовке кадет и юнкеров: экзамены принимались крайне строго, задачи ставились сложные и, таким образом, дипломы российских кадетских корпусов и военных училищ не были девальвированы.

Наиболее благоприятный режим для жизни российских военных беженцев и деятельности военно-учебных заведений существовал в Балканских странах, прежде всего в Болгарии и Югославии. Менее благоприятные условия для российских военно-учебных заведений в 1920-е гг. существовали во Франции и в Чехословакии.

В работе рассматриваются социально-экономические и юридические условия, влиявшие на эволюцию системы военно-учебных заведений российской эмиграции, в частности, показана бесперспективность существования за рубежом военных училищ, не обеспеченных материальной базой и юридической поддержкой со стороны европейских правительств.

В диссертации выявлены причины и особенности трансформации системы эмигрантских военно-учебных заведений во второй половине 1920-х гг. от дублирования дореволюционной схемы построения военного воспитания и образования к более гибкой форме, сочетавшей существование традиционных кадетских корпусов с организацией офицерских школ и курсов, в т.ч. высших, позволявших обучаться заочно или в вечернее время. Специально рассматривается деятельность Высших военно-научных курсов профессора генерала Н.И. Головина в Париже в 1927-1939 гг., работа их отделений и офицерских школ в Белграде и других центрах размещения военных эмигрантов. Оценивается уровень высшего военного образования российского зарубежья, особенности его организации и роль ВВНК в системе военно-учебных заведений российской эмиграции.

Автор показывает, что несмотря на сложные условия эмиграции в российском зарубежье удавалось сохранять полный цикл традиционного российского военного образования в новых фирмах, приспособленных к условиям жизни в изгнании, и поддерживать его на уровне, в целом, соответствующем мировым стандартам.

В третьей главе "Военно-учебные заведения как часть феномена российского военного зарубежья" исследуются основные параметры российского зарубежного военного образования как отражения социально-культурных особенностей военно-эмигрантского социума. В ней анализируется динамика социально-политического состава учащихся и преподавательского корпуса военно-учебных заведений, особенности организации учебного процесса, изучается деятельность военно-учебных заведений в связи с проблемой сохранения российской военной культуры за рубежом.

В диссертации впервые обосновывается значение военно-учебных заведений российского зарубежья как одной из важнейших основ сохранения за рубежом российской военной культуры. Роль военно-учебных центров в структуре российского военного зарубежья определяется тем, что они:

- воссоздавали в условиях эмиграции элементы дореволюционной системы военно-учебных заведений, самым фактом своего существования подтверждая преимущество российской армии в изгнании по отношению к дореволюционной;
- являлись центрами развития российской военной науки и военной теоретической мысли за рубежом;
- формировали политические убеждения воспитанников на основе идеологии "белого дела";
- сохраняли значительный контингент эмигрантской молодежи внутри военно-эмигрантского социума и нередко втягивали в него представителей других сословий;
- являлись хранителями традиций повседневного быта, обустройства

жилищ, организации общественных мероприятий, формировали литературно-художественные вкусы воспитанников;

- давали систематическое образование, вполне конкурентно-способное по сравнению с подготовкой в зарубежных учебных заведениях.

Четвертая глава "Альтернативные формы военного обучения в российском зарубежье" посвящена тем компонентам военного образования российской эмиграции, которые выходят за рамки деятельности военно-учебных заведений: развитию военного самообразования в эмигрантской среде в 1920-30-х гг., элементам военного обучения и воспитания в рамках молодежных военно-спортивных организаций, особенностям участия российских эмигрантов в учебных и боевых структурах иностранных армий, в т.ч. в годы 2-й мировой войны.

Деятельность военно-научных обществ, кружков военного самообразования, издание военных газет и журналов, активность молодежного военно-спортивного движения (скаутизм и соколячество) рассматриваются автором как социально-культурный фон, на котором в 1920-1945 гг. развивалось военное образование российской эмиграции.

Автор диссертации показывает, что вдохновителем и информационным источником для военного самообразования в российском зарубежье 1920-30-х гг. являлось устное и письменное слово, которое, благодаря активности военно-академических кругов, части образованного эмигрантского офицерства и гражданских лиц, увлекавшихся военным делом, распространялось в эмигрантских массах. Военное самообразование российского зарубежья, так же как и всякое другое самообразование, неизбежно несло в себе произвольность, бессистемность, неполноту и отсутствие контроля за знаниями. С другой стороны, оно было очень тесно связано с системой военного образования зарубежной России 1920-30-х гг., поскольку имело ту же социальную базу, те же мотивации развития и являлось питательной средой для деятельности эмигрантских военно-учебных центров. Для многих российских военных беженцев оно было

единственной возможностью удовлетворить тягу к знаниям.

С началом 2-й мировой войны активность военной эмиграции перемещается в практическую область, и массовое освоение военно-теоретических знаний в российском зарубежье угасает.

Осуществленный в диссертации анализ идеологии и деятельности молодежных военно-спортивных организаций 1920-1945 гг. показывает их большую, по сравнению с военно-научными центрами и военно-учебными заведениями российского зарубежья, политизированность и практическую направленность.

Молодежные военно-спортивные организации исповедовали идеологические доктрины, в большей своей степени вобравшую в себя идею зарубежного белого движения с его реваншистскими планами, в меньшей - либерально-демократические ценности, ориентированные на "восстановление свободной национальной России". В целом система политических воззрений эмигрантской молодежи, равно как и военно-учебная подготовка, были ориентированы на будущие антибольшевистские действия.

С началом Второй мировой войны происходит трансформация российских эмигрантских военно-учебных заведений. Для военно-учебных заведений российской эмиграции в 1941-45 гг. была характерна высокая степень политизированности, идеологической непримиримости и реваншизма, что имело свои корни в белоэмигрантском политическом активизме 1930-х годов.

Автор подчеркивает, что планы лидеров белой военной эмиграции превратить военно-учебные заведения антисоветских вооруженных формирований в свои рычаги влияния на германскую восточную политику провалились вследствие "колониального" подхода руководства нацистской партии к судьбе покоренных советских территорий.

В 1944-45 гг. происходит распад военно-учебных центров российской эмиграции, и зарубежная школа "России № 2" прекращает свое

существование.

В пятой главе "Научные основы российского военного образования за рубежом. 1920-1945 гг." рассматриваются научно-теоретические основы системы эмигрантского военного образования, показаны наиболее существенные для него направления российской военной науки за рубежом, в т.ч. военно-исторические исследования в российском зарубежье, процесс разработки военно-стратегических доктрин и прогнозирование военных событий эмигрантской военно-научной элитой. Исследуются исторические и интеллектуальные взаимосвязи эмигрантской и советской военной школы в сфере военного образования.

В диссертации формулируются основные особенности военно-научной мысли российской эмиграции 1920-1930-х гг., а именно: 1) большинство авторов военно-теоретических исследований российского зарубежья принимали участие в Первой мировой и Гражданской войнах в России и, соответственно, в первую очередь анализировали события этих периодов; 2) практически все они обладали высоким профессиональным уровнем (закончили курс обучения в Академии Генерального штаба, преподавали военные дисциплины в высших военно-учебных заведениях императорской России и т.п.); 3) основное внимание исследователей было приковано к проблеме возможности возобновления вооруженной борьбы с большевистским режимом в 1930-е гг.; 4) российская зарубежная военно-научная мысль, вбирая в себя все наилучшие достижения западной военной науки, стремилась создать собственную исследовательскую школу.

Автор показывает, что научное наследие военной мысли русского зарубежья объемно и разнообразно, включает в себя разработки в области философии и психологии, военной теории, военных доктрин, истории русской армии, а также планы создания "будущей русской армии" и т.п. Теоретики российской эмиграции 1920-30-х гг. стремились представить зарубежное белое движение в качестве военно-политического преемника потерпевших поражение в Гражданской войне белых армий.

Автор показывает неразрывную связь военно-теоретической работы российской эмиграции с развитием за рубежом системы военного образования. В силу специфических условий существования российской военной школы за рубежом, главными особенностями которого можно назвать отсутствие единого руководящего центра, слабость материально-технической базы и при этом творческую свободу, вся масса военно-научной литературы 1920-30-х гг. в той или иной мере использовалась для изучения военного дела слушателями Высших военно-научных курсов генерала Н.Н. Головина и других военно-учебных центров, а также лицами, занимавшимися самообразованием в военной сфере.

В диссертации подчеркивается, что основной задачей своей военно-научной деятельности российская военная эмиграция видела в подготовке новой вооруженной силы для продолжения борьбы с большевистским режимом. Эта задача включала в себя два направления деятельности: создание системы зарубежных военно-учебных заведений и разработку военно-теоретического наследия российских военных эмигрантов.

Анализ произведений эмигрантских военных теоретиков показывает, что российская военно-теоретическая мысль 1920-30-х гг. стояла на высоком уровне развития, сумела разработать ряд оригинальных военных доктрин, частично нашедших свое применение в годы Второй мировой войны, и, несмотря на ряд ошибок и неточностей, в целом верно предсказала общую направленность военных событий. Достижения русской эмигрантской мысли 1920-30-х гг. занимают значительное место в комплексе мировых военно-теоретических исследований.

В диссертации выявлена преемственность военно-научной мысли российского зарубежья от отечественной военно-научной мысли и образования дореволюционной эпохи, а также ее связь с советской военной школой. Развитие в СССР военной науки паходилось в зоне пристального внимания эмигрантских военных теоретиков, опыт строительства РККА

учитывался ими при разработке собственных концепций построения армии "будущей России". В то же время эмигрантское военное образование не пошло по пути непосредственного копирования империалистического, ни советского опыта, а искало собственные пути развития военной доктрины, порой подвергая советскую военную школу серьезной критике, в частности, за зависимость от коммунистической идеологии.

Материально-организационный потенциал советской военной высшей школы неизмеримо превосходил возможности эмигрантских военно-учебных заведений, в то же время зарубежная высшая военная школа смогла мобилизовать интеллектуальный потенциал ряда блестящих военных теоретиков, создать систему оригинальных военных доктрин, нашедших применение в годы Второй мировой войны, и таким образом оказать косвенное влияние на советскую высшую военную школу.

В 1920-30-е годы наблюдаются определенные аналогии в развитии военно-научной мысли и военного образования в российском зарубежье и в СССР. И эмигрантская и советская военно-научная школа опирались на теоретическую базу и профессорско-преподавательские кадры империалистической России, исследовали опыт 1-й мировой и Гражданской войн и локальных военных конфликтов 1930-х гг., были направлены на выработку новых военно-стратегических доктрин и оперативно-тактических проблем применения новейших видов вооружений.

В то же время, идеологическое давление со стороны государства и репрессии против военных специалистов в СССР подрывали творческий потенциал советской военно-научной мысли и препятствовали ее нормальному развитию.

Профессорско-преподавательский состав как в эмигрантских, так и в советских высших военно-учебных заведениях сталкивался с проблемой недостаточной подготовленности слушателей к усвоению академических учебных программ. При этом следует констатировать, что существовавший

за рубежом культ военного знания не допускал формального подхода к подготовке военных специалистов. В СССР специальная и общеобразовательная подготовка в высших военно-учебных заведениях, в т.ч. военных академиях, существенно отличалась от системы подготовки в дореволюционных и в эмигрантских военно-учебных структурах в сторону "массовости".

На протяжении 1920-1940-х гг. российская военная эмиграция не выпускала из поля зрения развитие военно-научной мысли и военного образования в СССР, поскольку ее программа воссоздания российских вооруженных сил после свержения большевизма предусматривала воссоединение двух направлений отечественной военной школы на основе новой военной доктрины.

В заключении диссертации сделаны выводы, обобщающие результаты исследования.

Военное образование в российском зарубежье 1920-1945 гг. представляет собой сложное культурно-общественное явление, основными компонентами которого являются: система военно-учебных заведений, просветительство в сфере военного дела, российская военная наука за рубежом, комплекс идеологических и военно-политических доктрин.

Каждый из этих компонентов имеет собственную динамику развития, которая, в то же время, взаимосвязана с другими составляющими эмигрантского военного образования. Так например, свертывание работы военных училищ и кадетских корпусов в российском зарубежье на протяжении 1920-х гг. совпадает с ростом внимания лидеров военной эмиграции и ее научной элиты к выработке теоретических основ и новых организационных форм воспроизводства квалифицированных офицерских кадров в условиях изгнания.

Стержнем военного образования Зарубежной России, безусловно, является деятельность военно-учебных заведений.

Еще в период активных боевых действий в Гражданскую войну 1918

20 гг. командование белых армий уделяло большое внимание деятельности кадетских корпусов, военных училищ и офицерских школ; после же эвакуации Русской армии ген. П.Н. Врангеля и других белогвардейских воинских формирований в Балканские страны и на Дальний Восток военно-учебные заведения приобретают особое значение для командования белых войск как наиболее идеологически подготовленная и подконтрольная ему часть зарубежного российского воинства.

Основным регионом размещения и развития военно-учебных структур российской эмиграции становится в 1920-30-х гг. Центральная и Юго-Восточная Европа, куда вместе с Крымским эвакуационным потоком были перемещены 9 военных училищ и 3 кадетских корпуса, объединивших значительную часть личного состава дореволюционных кадетских корпусов европейской части России.

Вообще, отличительной чертой развития военного образования в европейской эмигрантской диаспоре, особенно в начале 1920-х гг. было стремление сохранить традиционные формы военного обучения в лице кадетских корпусов и военных училищ. Большинство последних обладали не только названиями, но и кадрами преподавателей и воспитанников дореволюционных военных училищ - Александровского, Николаевского, Сергиевского, Константиновского и др. Училища, возникшие в годы Гражданской войны, строились всецело по образцу дореволюционных, с учетом опыта ускоренной подготовки офицеров, приобретенного в период 1-й мировой войны.

Крайне ограниченное в своих финансовых возможностях командование бывшей Русской армии в 1921-24 гг. все-таки стремилось обеспечить хотя бы минимальное снабжение военно-учебных заведений, считая их деятельность за рубежом одним из приоритетных направлений своей политики.

Военно-учебные заведения продолжали свои занятия уже на раннем этапе эмиграции - в лагерях Галлиполи, Лемнос, Чатаджда, затем - в

Болгарии и Югославии. Однако их реальные возможности в обучении были ограничены, а штат урезан. Кадеты и юнкера, обучавшиеся в военно-учебных заведениях в лагерях, а также в Балканских странах, стремились любой ценой завершить свое военное образование и получить офицерские звания, надеясь на скорое возвращение на Родину.

Дальневосточный поток эмиграции имел в своем составе значительно меньшее, по сравнению с Крымским, количество организационных структур и кадрового состава дореволюционных военно-учебных заведений. Их остатки (в частности, воспитанники Омского и Хабаровского кадетских корпусов) были к середине 1920-х гг. эвакуированы в Югославию и вошли в действовавшие там военно-учебные заведения.

Значительную роль в структуре зарубежной военной школы в начале 1920 - х гг. играл военно-морской флот, офицеры которого организовали деятельность в Бизерте (Северная Африка) Морского корпуса, осуществлявшего военно-учебную подготовку гардемарин. Он также являлся частью личного состава Дальневосточных военно-морских учебных заведений. Позднее, с утратой флота, военно-морские учебные заведения в российском зарубежье прекращают свое существование, но научная мысль и просветительство в области военно-морского дела продолжают развиваться.

В отличие от Европейского региона на Дальнем Востоке, прежде всего в Китае, российские эмигрантские военные училища были организованы уже в 1920-е гг. и имели своеобразный вектор развития. Помимо обучения русских беженцев они выполняли также вспомогательные функции: осуществляли воинскую подготовку китайских военных, а также принимали прямое участие во внутрикитайских военных и социально-политических конфликтах (в частности, русские эмигранты служили в войсках китайских маршалов Чжан Цзо-лина и Чжан-дун-чана).

В Болгарии и Югославии в начале 1920-х гг. юнкера и старшие кадеты завершали свое профессиональное образование в крайне тяжелых условиях, сочетая освоение учебных программ с поиском средств к существованию.

В 1923 г. учебный процесс в военных училищах в Европе прекращается, но они продолжают существовать как организационные единицы, сначала в составе 1-го армейского корпуса Русской армии ген. П.П. Врангеля, а с переходом ее на беженское положение - как общества бывших воспитанников и преподавателей училищ в составе Русского Обще-Воинского союза.

Кадетские корпуса, как форма военного обучения и воспитания, претерпев ряд реорганизаций, просуществовали в российском зарубежье до конца 2-й мировой войны. В их деятельности, помимо образовательного, был исключительно важен социальный аспект: они выполняли функцию учреждений общественного призрения для сирот и детей из малообеспеченных военных семей. Одновременно, будучи закрытыми учебными заведениями, кадетские корпуса в наиболее полном объеме по сравнению с другими учебными структурами российской военной эмиграции воссоздавали традиции дореволюционной военной школы и прочно внедряли в сознание эмигрантской военной молодежи идеологию "белого дела".

В 1920-22 гг. за пределами России оказались многие представители военной профессуры и высокообразованных офицеров Генерального штаба, продолживших в изгнании военно-научную работу. Труды Н.Н. Головина, Р.К. Дрейлинга, А.А. Зайцова и других военных ученых-эмигрантов внесли весомый вклад в отечественную и мировую военную науку. Российскими учеными-эмигрантами, специализирующимися в области военной теории, были созданы десятки исследований, посвященных различным аспектам военно-стратегической мысли, - теории химической войны, танковых прорывов, авиационных эскадрилий и т.п. Кроме того, ими был разработан ряд военно-политических доктрин, большинство которых предусматривало участие квалифицированных офицерских кадров эмиграции в строительстве вооруженных сил постбольшевистской России.

Эмигрантские военные мыслители противопоставляли свою научную

школу и систему военного образования за рубежом советской военной науке и образованию, в то же время, проявляя пристальное внимание к процессам в этой сфере, происходившим в СССР.

Деятельность эмигрантских военных теоретиков в 1920-30-е гг. обеспечивала интеллектуальную и идеологическую основу развития военного образования в российском зарубежье, в первую очередь, работу Высших военно-научных курсов Н.Н. Головина.

Научные и организационные усилия военной эмиграции в данной области поддерживал Русский Обще-Воинский Союз, с 1924 г. объединивший большинство военных обществ и союзов за рубежом. Под эгидой РОВС в 1920-30-е гг. формировалась система эмигрантских военно-учебных заведений, включавшая три основных образовательных ступени: общее среднее и начальное военное в традиционной форме (кадетский корпус), среднее специальное (до 1924 г. - военные училища, затем курсы военного самообразования и военно-училищные курсы) и высшее - ИМВК и другие военно-академические учебные центры.

Военно-учебные заведения российской эмиграции сыграли значительную роль в истории формирования Зарубежной России, без исследования которой невозможно в полной мере изучить исторический феномен российского военного зарубежья. Именно военные училища стали на раннем этапе изгнания центрами подготовки офицерских кадров, что, соответственно, способствовало укреплению фундамента "России № 2", насыщало мир российской военной эмиграции квалифицированными военно-профессиональными кадрами; а в дальнейшем - военно-учебные заведения выполняли роль "несущих опор", своего рода каркаса военной части Зарубежной России, аккумулируя вокруг себя воинские кадры, молодежные организации, издательские центры российской эмиграции, активистские организации и т.п.

Во многих странах проживания российской эмиграции, прежде всего в Балканском регионе, высшие военные заведения становятся неотъемлемой

компонентом местной военной культуры, осуществляя параллельную подготовку офицерского состава для армий данных стран: например, Болгария, Югославия, правительства которых признавали российские офицерские дипломы, охотно принимали на службу в свои вооруженные силы выпускников российских эмигрантских военных училищ.

Многие преподаватели российских эмигрантских военно-учебных заведений приглашались также для чтения лекций по военной истории и теории в престижные военные учебные заведения европейских стран – в Военную академию во Франции, в Генштаб Германии, офицерские училища Чехословакии и др., что свидетельствовало о признании их квалификации со стороны мировой военно-научной общественности.

Питательной средой для формирования системы российского военного образования в эмиграции стали различные формы просветительства в области военной истории и военного дела. Чтение общедоступных лекций и издание военно-научной литературы, осуществлявшиеся общественными объединениями военных эмигрантов и военно-учебными центрами, давало возможность самообразования тем представителям эмигрантского социума, которые не имели возможности, либо не считали необходимым обучаться военному делу в военно-учебных заведениях.

Отличительными чертами просветительской работы российского зарубежья в военной сфере было следование дореволюционным традициям (любовь к "толстым" журналам, сохранение тематического профиля возрожденных дореволюционных изданий, как то "Артиллерийского журнала", "Военного сборника", газеты "Русский инвалид" и пр.), интерес к злободневным военно-политическим сюжетам и новейшим разработкам в области военной теории и техники, предпочтение проблематики 1-й мировой и Гражданской войн в военно-исторической области. Характерно, что военно-научное просветительство и самообразование являлись устойчивой сферой интересов не только специально для этого создавшихся эмигрантских объединений ("Общество ревнителей военных знаний" и т.п.), но и

большинства военных обществ и союзов, образованных по вполне профессиональным и структурным признакам.

Особой формой эмигрантского военно-учебного воспитания молодежи стало в 1920-30-е гг. образование военно-спортивных лагерей скаутов, конных разведчиков, "соколов" и др. В них эмигрантская молодежь получала специальную военно-спортивную подготовку и воспитание, ориентированные на будущее применение в условиях ожидавшейся Гражданской войны на территории СССР. Десятки тысяч юношей и девушек на протяжении 1920-30-х гг. прошли в них обучение. В то же время, скаутизм как всемирное движение облегчал включение российской эмигрантской молодежи в социум стран проживания. В годы Второй мировой войны многие скауты и "соколы" приняли участие в военном конфликте, разделившись согласно своим политическим взглядам, часть вступила в вооруженные формирования германской ориентации, другая часть - сражалась в рядах антифашистского Сопротивления.

Представители эмигрантского офицерства и молодежи, прошедший в той или иной форме военное обучение, проявляют в 1930-е гг. стремление к практической реализации своей профессиональной подготовки. Российские эмигранты принимают участие в военных конфликтах в Парагвае (в т.ч. в качестве военных инструкторов), Испании, советско-финской войне 1939-1940 гг. На Дальнем Востоке выпускники военных училищ постоянно действовали в составе китайской армии и различных диверсионных отрядов, проникавших на территорию СССР.

Выступая в качестве наемников иностранных армий, российские военные эмигранты в большинстве случаев находили для этого идеологические обоснования, рассматривая военные конфликты через призму борьбы "белых" и "красных", что особенно ярко проявилось в период гражданской войны в Испании.

В годы 2-й мировой войны военное обучение эмигрантской молодежи осуществлялось, главным образом, на военно-училищных курсах и в

юнкерских батальонах, образованных в частях Русского охранного корпуса и других структурах РОА, а также аналогичных англосоветских вооруженных формированиях, например в "Казачьем стане".

Военно-учебные центры российских эмигрантов стремились в период Второй мировой войны 1939-45 гг. продолжать традиции зарубежной российской военной школы 1930-х гг. и были ориентированы на практическое применение разработанных ранее военно-политических доктрин.

Учебные центры российской эмиграции оказывали определенное влияние на германскую "восточную" политику, на действия югославских партизан и французского движения Сопротивления.

В 1944-45 гг. мир российского военного зарубежья и военное образование как его неотъемлемый компонент прекращает свое существование вместе с распадом эмигрантской "России № 2".

Оценивая развитие военного образования в российском зарубежье в 1920-1945 гг., необходимо подчеркнуть, что возникновение этого культурно-исторического феномена было обусловлено наличием в военно-эмигрантской среде устойчивого комплекса реваншистских идей, проявлений политического экстремизма, своеобразия социально-культурного менталитета военных эмигрантов.

Идеологическую основу военного образования русского зарубежья составляло ортодоксальное следование программе Белого движения и православию. Сторонники республиканских политических взглядов и межконфессиональной веротерпимости (либо атеисты) отторгались системой, которая на протяжении 1930-х гг. проявила тенденцию к идеологическому ужесточению (во многих случаях за счет сокращения численного состава участников).

В орбиту военного образования российского зарубежья были вовлечены наиболее социально и политически активные слои военной эмиграции, включая ее военно-политических лидеров и интеллектуальную

элиту.

Различные формы военного образования охватывали практически все основные регионы расселения российских беженцев, в т.ч. в отдаленных регионах мира.

Военное образование в Зарубежной России 1920-1945 гг. является феноменом не только отечественной, но и мировой истории XX века.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обобщив результаты исследования проблемы, диссертант сформулировал следующие новые положения, которые выносятся на защиту.

Одной из основополагающих черт, характеризующих культурно-исторический феномен российской военной эмиграции 1920-1945 гг., является наличие в рамках российской диаспоры в различных регионах мира системы военного образования.

Военное образование российского зарубежья следует рассматривать как единство организационных, идеологических, научных и социально-культурных компонентов, оказывавших друг на друга существенное воздействие и, в то же время, имевших самостоятельную динамику развития. Например, ликвидация военных училищ из-за отсутствия материальной, юридической и кадровой базы в начале 1920-х гг. была восполнена созданием офицерских школ и военно-научных курсов и развитием военного самообразования. С другой стороны, военные лидеры российского зарубежья прилагали усилия к сохранению кадетских корпусов, которые в условиях эмиграции решали сразу несколько важнейших задач – воспитание молодого поколения в духе дореволюционных культурных традиций и идеологии "белого дела", обеспечение общего среднего и начального военного образования, осуществление социальной поддержки. Формирование еще в детском возрасте соответствующих идейных установок и интереса к военному делу обеспечивало кадровую базу военно-учебных заведений российского зарубежья в конце 1920-х – 1945 гг., пополнявшаяся

выпускниками кадетских корпусов. Таким образом, военное образование Зарубежной России представляло собой сложную, многоуровневую систему, способную к эволюции и саморегуляции.

Существование в 1920-1930-е гг. за рубежом российских военно-учебных заведений, военно-научных обществ и кружков, широкого спектра военно-периодических изданий, развитие военно-спортивного движения, с одной стороны, выполняло важнейшую социальную и культурную функцию, поддерживая сознание внутренней общности в среде военных эмигрантов, давая возможность для повышения профессиональной квалификации и самореализации. Включение в систему военного образования имело для военных эмигрантов и материальную сторону (получение военных и технических специальностей, трудоустройство, доходы от издательской и преподавательской деятельности), однако она не играла определяющей роли.

В то же время, обучение в военно-учебных центрах и участие в их организации замыкали военно-эмигрантский социум сам на себя, замедляя процесс интеграции российской военной молодежи в общество стран проживания.

Наличие в российском зарубежье в 1920-1945 гг. системы военного образования подчеркивает устойчивость социально-культурной общности российских военных эмигрантов и ее потребность в практической реализации идеи военно-политического реванша по отношению к большевистскому режиму в СССР.

Результаты диссертационного исследования изложены в следующих основных публикациях автора.

1. Бегидов А.М. Военное образование в зарубежной России. 1920-1945 гг. М., 2001. 328 с. (20,6 п.л.).

2. Бегидов А.М. Российская военная эмиграция в 1920-30-е годы. Пальчик, 1998. С. 199-353. 10 п.л. / В соавт. с Е.И. Пивоваром, В.Ф. Ериповым, Е.Б. Парфеновой. (Авторский вклад - 4 п.л.).

3. Бегидов А.М. Военно-учебные заведения зарубежной России в 1920-30-е годы. Нальчик, 1999. С. 250-477. 13,9 п.л. / В соавт. с Е.И. Пивоваром, В.Ф. Ершовым. (Авторский вклад 8 п.л.).

4. Бегидов А.М. Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 458-524. 28,6 п.л. / В соавт. с Е.И. Пивоваром, Е.И. Алдоховой и др. (Авторский вклад - 4,5 п.л.).

5. Бегидов А.М. Экономическая мысль в российском зарубежье. Нальчик, 1997. С. 157-292. 8,4 п.л. / В соавт. с Э.Б. Корицким, В.Х. Истомым. (Авторский вклад 3,5 п.л.).

6. Бегидов А.М. Братская взаимопомощь народов Кавказа в восстановлении разрушенного народного хозяйства (1943-1945 гг.) // В книге: Великий Октябрь и торжество идей социалистического интернационализма. Нальчик, 1987. С. 37-41. (0,3 п.л.).

7. Бегидов А.М. Трудовой вклад интеллигенции Северного Кавказа в победу над фашизмом // В книге: Актуальные проблемы истории и теории советского общества. Нальчик, 1989. С. 73-76. (0,25 п.л.).

8. Бегидов А.М. Некоторые проблемы истории вклада народов Северного Кавказа в победу в Великой Отечественной войне // В книге: Актуальные проблемы истории и теории советского общества. Нальчик, 1989. С. 121-138. / В соавт. с Ибрагимбеи Х.М. (Авторский вклад 0,4 п.л.).

9. Бегидов А.М. К периодизации историографии трудового вклада народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // В книге: Актуальные проблемы истории и теории советского общества. Нальчик, 1989. С. 49-67. / В соавт. с Мосаевым Ш.Я. (Авторский вклад 0,5 п.л.).

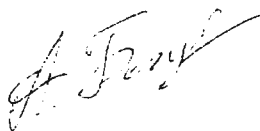
10. Бегидов А.М. Военно-научные футурологические концепции российской белой эмиграции в 1920-1945 гг. // Историко-политологический альманах. № 5. Волгоград, 1998. С. 12-19. (0,5 п.л.).

11. Бегидов А.М. Военно-учебные заведения зарубежной России в 1920-1930-е гг. как компонент эмигрантской системы образования // Россия на пороге XXI века: общество, государство, культура, сервис. Материалы

Всероссийской научно-практической конференции. М.: МГУС, 2000. С. 43-53. (0,7 п.л.).

12. Бегидов А.М. Преподавательский корпус российских военно-учебных заведений за рубежом в 1920-1945 гг. // Россия, идеи и люди. Сб. научных трудов. МГУС. Вып. 6. М., 2001. С. 24-37. (1 п.л.).

13. Бегидов А.М. Новейшие исследования по истории русской эмиграции в славянских странах. // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып.4. М., 2001. С. 8-13. (0,3 п.л.).

Подп. к печ. 16.05.2001 Объем 3 п.л. Зак. 193 Тир. 100
Типография МПГУ

200